

Роберт Ауди

Практическое рассуждение и моральная оценка*

Тема практического рассуждения интересна прежде всего той ролью, которую она играет в контексте этической теории. Этические стандарты нацелены на то, чтобы направлять поступки человека, то есть, наполнять содержанием посылки практического аргумента¹ перед принятием того или иного морального решения. В этой главе мы рассмотрим этот аспект практического рассуждения. В предыдущих главах я предложил теорию, согласно которой любое практическое суждение, включая и суждение моральное, должно быть соотнесено с посылками практического силлогизма, обосновывающего это суждение. Только в этом случае можно поднять вопрос о рациональности данного суждения. В свою очередь, поступок, имеющий рациональное обоснование, должен также быть соотнесен со всеми элементами соответствующего практического аргумента. И хотя наша теория проясняет статус нормативных практических суждений, она не уделяет отдельного внимания суждениям моральным. Но, несомненно, что практическое суждение играет важную роль при принятии и обосновании моральных решений, и в этой главе мы как раз обратимся к этой теме.

Для большей ясности и конкретики, а также, чтобы иметь под рукой удобную нормативную основу для оценки моральных решений, я предлагаю вначале обрисовать в общих чертах теорию нормативной этики. Основные принципы этой теории, так же как и предложенные ей стратегии для разрешения конфликтов обязательств, послужат для нас

* Audi R. Chapter 9: Practical Reasoning and Moral Judgment // Audi R. Practical Reasoning and Ethical Decision. – London, N. Y., 2006. – pp. 172-186. Перевод выполнен Андреем Завалием (American University of Kuwait) с любезного разрешения автора и издателя. – *Прим. ред.*

1 Классический практический силлогизм впервые сформулирован Аристотелем в «Никомаховой этике» и представляет собой попытку установить связь между суждением о благе, как непосредственной цели действия («Я хочу достичь X» – большая посылка), дополненного суждением о шагах, которые необходимо предпринять, чтобы достигнуть заявленное благо («Для того, чтобы достичь X, нужно сделать Y» – малая посылка), и практическим выводом-действием (собственно «делаем» Y, либо обретением достаточной мотивации для совершения Y). – Прим. пер.

удобным материалом для исследования как самой природы практического суждения в его моральном аспекте, так и тех стандартов, с помощью которых мы сможем оценить принятые решения.

1. Моральное суждение и моральное решение

Первоочередная проблема, с которой мы сталкиваемся при обсуждении нашей темы, это проблема четкого определения моральной точки зрения и её демаркации от неморальных или внеморальных (*non-moral*) нормативных контекстов. Здесь не место для разработки полноценной теории этого понятия, но, тем не менее, нам следует наметить некоторые важные условия, достаточные для принятия собственно моральной точки зрения. Например, нормативное суждение касающееся вопросов справедливости или честности, очевидно, попадает в сферу моральных суждений. Так же можно с большой долей вероятности утверждать, что суждения, подводящие некие действия под категории обмана, мошенничества или эксплуатации относятся к моральной сфере. Такой подход к пониманию моральной точки зрения признает в качестве основного критерия наличие моральных *терминов*. Но, к сожалению, во многих случаях остается не ясным, относится ли данный термин и данное определение к области морали или нет. Поэтому я предпочитаю более широкий подход, подход построенный на концепции *основания* морального суждения.

Спектр моральных суждений и моральных решений весьма широк. Обычно они включают в себя понятия правильного или дурного, и понимание того, что нам следует или не следует делать. Конечно, есть и внеморальный смысл понятия правильности, когда, к примеру, мы оцениваем варианты действий с позиции личной выгоды. Точка зрения личной выгоды отличается от моральной точки зрения, ведь последняя зачастую может вступать в противоречие с чисто эгоистическими интересами. Я полагаю, что мы сможем идентифицировать собственно моральные суждения и решения если обратимся к их внеморальному основанию – то есть, к фактам в обычном смысле этого слова. Нет ничего важнее таких фактов, когда мы имеем дело с обоснованием и объяснением моральных суждений. Факты обосновывают и укореняют моральные суждения, и в этом основная причина универсальности и объективности этих суждений. Но какие именно факты могут служить основанием для моральной оценки?

Прежде всего это (внеморальные) факты, касающиеся нанесения вреда здоровью и увечий: убийство, изнасилование, поджог, нанесение

побоев. Я полагаю, что высказывание, осуждающее некое действие на том основании, что оно причиняет вред или наносит увечья другим людям, можно смело отнести к категории моральных суждений. То же самое можно сказать обо всех подобных суждениях, сформулированы ли они в дескриптивной или императивной форме. Например, императив, запрещающий поступать так-то и так-то, потому что действие может нанести вред другому, несомненно является моральным императивом.

Помимо фактов, касающихся нанесения вреда другому, есть и другие виды фактических утверждений, которые позволяют нам выявить собственно моральные суждения и моральные решения. К ним относятся, например, суждения о правдивости. При прочих равных условиях, обвинение во лжи, является моральной оценкой. На том же основании можно причислить к области морали суждение об обязательности того или иного поступка, если эта обязательность обусловлена данным ранее обещанием. То же самое можно сказать и об утверждении, что некое действие совершенно необходимо, так как в случае бездействия может быть потеряна человеческая жизнь. К этому, на мой взгляд, можно добавить порицание действий, препятствующих самосовершенствованию, или, с другой стороны, одобрение проявлений благодарности за добрые дела, осознанно сделанных по отношению к вам другим человеком. Ведь в обычных условиях мы считаем, что человек неблагодарный, или чересчур инертный и ленивый, достоин морального осуждения. Всё это указывает на то, что термины, обозначающие типы людей, могут хотя бы частично служить опорой для моральной точки зрения – о чем так часто говорят приверженцы этики добродетели (*virtue ethics*). Стоит только представить себе смысловую нагрузку таких ярлыков как лжец, лицемер, обманщик, предатель, насильник или убийца.

Без сомнения, такая характеристика моральной точки зрения слишком неопределенна, особенно если мы примем во внимание тот факт, что нормативное понятие «долженствования» зачастую употребляется во внеморальных контекстах, основываясь на целях разумной расчетливости и личной выгоды. Поэтому если человек указывает на некий факт в качестве основания для морального суждения, то из этого ещё не следует, что суждение, основанной на этом факте, является моральным. Существуют разногласия и по вопросу о том, насколько далеко простирается точка зрения морали. В любом случае, мы не ошибемся, если станем утверждать, что оценка ситуации с точки зрения морали предполагает, как минимум, готовность к

универсализации данного суждения, то есть, готовность вынести подобное суждение в любом другом случае, при наличии достаточной схожести фактического основания. Если я осуждаю некий поступок с моральной точки зрения (например, дачу взятки взамен на обещание проголосовать за того или иного кандидата), то это обязывает меня вынести такое же суждение и о другом человеке, сделавшим то же самое в похожих обстоятельствах. Это замечание поможет нам отделить точку зрения морали от точки зрения разумной расчетливости (*prudence*), хотя и здесь остаются исключения: при схожести внешних обстоятельств и совпадении интересов двух людей, должностное, обоснованное расчетливостью, предпишет обоим одно и то же решение. И тем не менее, требование универсализации весьма важно в деле демаркации, ведь оно объявляет несущественными (с моральной точки зрения) такие различия между людьми как личные предпочтения, финансовые интересы или даже иррациональные страхи – то есть, всё то, что имеет значение, если смотреть на ситуацию с точки зрения личной выгоды.

Итак, мы можем охарактеризовать моральные суждения ссылаясь на их содержание, на их обоснование, или на то и другое сразу. Мы также видели, что использование таких оценочных слов как «правильный», «дурной», «должен» и т. д., ещё не гарантирует, что мы сможем только на этом основании различить действительные случаи суждения с моральной точки зрения и случаи, когда моральная оценка всего лишь используется как пример (*taking the moral point of view vs. invoking it*). Здесь также стоит обратить внимание и ещё на некоторые моменты. Я полагаю, что все, что было сказано выше о моральном суждении можно отнести и к моральному решению. То есть, если мы признаем, что некая оценка, осуждающее некое действие, сделана на основании моральных причин, и, следовательно, является моральной оценкой, то мы также должны признать, что и решение воздержаться от данного поступка также является моральным решением.

Следует заметить, что в этой главе я большей частью употребляю термин «моральный», предпочитая его семантически схожему – «этический». В определенных контекстах оба термина равнозначны и взаимозаменяемы. Но в строгом смысле, термин «этический» обладает более широким диапазоном, и в некоторых случаях я буду использовать его в значении «то, что относится к этике, как к отдельной дисциплине».

2. Общая схема моральных принципов

Выше мы рассматривали содержание моральной точки зрения и говорили о необходимости прояснить роль практического суждения в процессе моральной оценки и морального решения. Мы начнём с формулировки общих этических принципов, признаваемых различными школами моральной философии. Несомненно, философы могут по-разному объяснять статус и действенность этих принципов, но остаётся практически бесспорным, что любой мало-мальски приемлемый список моральных установлений должен включать в себя и предлагаемые ниже правила. Эти правила могут быть выведены как из понятия категорического императива Канта, так и из различных видов теорий, апеллирующих к последствиям действия (consequentialism).

Отправным пунктом наших рассуждений станет хорошо известный список *первичных обязанностей* (prima facie duties)², почерпнутый из книги У. Д. Росса «Право и благо»³. Ниже я представляю его с небольшими изменениями:

1. *Справедливость*: прямая обязанность предотвращать совершение несправедливости и обязанность исправлять несправедливость; а также негативное обязательство не совершать несправедливость.
2. *Непричинение вреда (non-injury)*: обязанность воздерживаться от нанесения телесного вреда другому человеку.
3. *Верность*: обязанность исполнять данное обещание и обязанность воздерживаться от лжи.
4. *Возмещение*: обязанность возместить причиненный ущерб.
5. *Благотворительность (beneficence)*: обязанность творить добрые дела, улучшающие жизнь других людей; особенно поступки, способствующие развитию их добродетели, расширению знания и доставляющие удовольствие.

---

2 Моральная обязанность, квалифицируемая здесь как *prima facie*, указывает на реально существующее обязательство, которое может побудить к соответствующему действию, *если* не будет «нейтрализовано» более весомыми (с моральной точки зрения) причинами. Дав обещание о встрече в означенный час, я взял на себя первичное (*prima facie*) обязательство исполнить обещанное. Но если исполнение обещания повлечет за собой угрозу жизни другого человека, мой долг сдержать слово не может считаться моей *конечной* обязанностью (*all-things-considered duty; final duty*). – Прим. пер.

3 Ross W. D. The Right and the Good. – Oxford, 1930.

6. *Самосовершенствование*: обязанность заботиться о собственном совершенствовании.
7. *Благодарность*: обязанность выражать признательность за оказанные услуги.

К этому списку я бы хотел добавить ещё два очевидных обязательства, используя этот термин в несколько более широком смысле:

1. *Свобода*: обязанность охранять и расширять (enhance) свободу.
2. *Уважение*: обязанности, относящиеся к внешней манере поведения; обязанности, касающиеся способа совершения того или иного поступка, а не его содержания.

Каждой обязанности, упомянутой выше, соответствует определенный моральный принцип, указывающий на моральную необходимость исполнения этих обязанностей. Но наличие «долженствования», так же как и наличие «обязанности», ещё не предполагает, что данная обязанность обладает высшим приоритетом. Это всего лишь значит, что существует некое весомое (с моральной точки зрения) основание для действия, которое вполне может стать приоритетной обязанностью, при отсутствии противодействия со стороны ещё более весомых моральных оснований для альтернативного действия. Поэтому здесь вполне уместен термин *первичные* (а не *кажущиеся*) *обязанности*, ведь эти обязательства вполне реальны, и в большинстве случаев являются достаточным основанием для поступка. Первичная моральная обязанность совпадает с моральным основанием для поступка, имеющим достаточную нормативную силу, чтобы сделать данный поступок необходимым (obligatory). При наличии такого основания, можно сказать, что человек *обязан* совершит соответствующее действие.

Очевидно, что вышеизложенные принципы соответствуют тем основаниям, которые позволяют нам классифицировать некое суждение как суждение моральное. Ниже я более подробно остановлюсь на последних двух обязанностях, обязанностях свободы и уважения, проясняя на примере, как именно из них можно вывести основание для моральной оценки.

В первом случае представим ситуацию родителя, заботящегося о своем ребенке, т. е., ситуацию, где вопрос расширения свободы может стать основанием для морального суждения. Допустим, я узнал о

хорошей вакансии, которую вполне может занять моя дочь. Несомненно, что я должен уведомить её об этом, на том основании, что эта информация даст ей дополнительную альтернативу и, тем самым, расширит свободу выбора. Но нельзя ли вывести моральную обязанность *расширять свободу* из обязанностей *благовоспитанности* и *справедливости*? В некоторых случаях это вполне допустимо. Но несмотря на частичное совпадение этих оснований, обязанность расширять свободу может оказаться единственным основанием для морального суждения – как в случае, когда предложенная вакансия объективно уступает по всем параметрам той должности, которую моя дочь занимает на данный момент. Но и тогда, в интересах расширения свободы выбора, я должен уведомить её об альтернативной возможности.

Обязательства, вытекающие из долга *уважения*, представляют собой категорию *адвербиальных обязанностей* (adverbial duties)⁴. Они касаются не столько самого поступка, сколько его внешней формы. Мы часто осуждаем человека, если находим его поступки или слова грубыми, равнодушными, или сказанными с оттенком снисходительности. Это относится и к тем поступкам, совершение которых допустимо с моральной точки зрения, или даже признано необходимым, как, к примеру, помощь пациенту взобраться на высокую кровать. Ведь и это можно сделать ненадлежащим образом, если наша помощь сопровождается грубостью, выражением раздосадованности или жалобами.

В определенных обстоятельствах, зная что некое похвальное или допустимое с моральной точки зрения действие будет исполнено ненадлежащим образом, мы можем вынести обоснованное суждение о необходимости воздержаться от этого действия. Адвербиальные факты вполне могут стать основанием для морального суждения и последующего решения. Если мы не знаем *как* правильно исполнить то, что (с точки зрения морали) *должно* быть исполнено, нам следует заново переоценить ситуацию – возможно, наше действие нужно перенести на другое, более благоприятное время, или вовсе воздержаться от него. В любом случае, нужно помнить, что существует разница между моральной оценкой содержания поступка и оценкой манеры его исполнения.

---

4 Термин «адвербиальные обязанности» указывает на грамматическую категорию оценочных слов, обычно используемых для описания способа совершения поступка. Указывая на манеру исполнения того или иного действия мы чаще всего используем соответствующие наречия: аккуратно, вежливо, грубо, снисходительно, презрительно, тактично, и т. п. – Прим. пер.

3. Роль моральных принципов в практическом рассуждении

Моральный принцип может играть *ведущую* роль в практическом рассуждении, вне зависимости от того, чем мотивировано само упоминание этого принципа. К примеру, я инициирую практическое рассуждение о грядущих выходных с мыслью о том, что обещал своей дочери сводить её в оперу. Возможно, я могу изменить наши планы, если предложу ей альтернативу, с которой она сама согласится. Но, предположим, что я не смог придумать ничего подходящего в качестве замены, решаю, что первичный план был не так уж плох, и, в конце концов, заключаю, что я должен сводить её в оперу.

Мы уже видели, что выводы практических аргументов отличаются друг от друга по силе *долженствования*, которое фигурирует в них. Эта сила зависит от содержания посылок практического силлогизма. Если, предположим, посылки указывают на наличие первичной обязанности достигнуть цели *G*, для чего требуется некое действие *A*, я могу заключить о наличии первичной обязанности совершить действие *A*. Если мы оперируем схемой моральных принципов Росса, заключение силлогизма будет содержать нашу первичную обязанность, если в посылках упоминается только один из моральных принципов. Но модель, предложенная Россом, позволяет начинать практическое рассуждение с общего чувства долженствования, как бывает в тех случаях, когда мы понимаем, что некая конкретная обязанность перевешивает все остальные. Вернемся к примеру с оперой. Отложив все свои другие субботние планы и обязанности, я заключаю, что моя единственная обязанность в данном случае это доставление радости своей дочери, и что только купив билет на оперу *Искатели жемчуга* я достигну этой цели. Таким образом, я делаю вывод, что я должен купить ей билет.

Может показаться, что дело обстоит совсем по-другому для Канта и Милля, поборников теории *базовых принципов (master principles)*. Ведь базовые принципы способны обосновать моральное долженствование так, как это не могут сделать принципы, выводимые из первичных обязательств. Согласно теории базовых принципов, любое первичное обязательство имеет вес только в силу того, что оно выводимо из общего базового правила. К примеру, исполнение обещанного может считаться первичным обязательством только потому, что этот поступок в целом способствует всеобщему счастью. Но как часто моральные решения принимаются на основе базовых принципов, без помощи первичных принципов Росса, рассмотренных выше? Возьмем Кантовский

императив, побуждающий нас видеть в людях цель, а не только средство. Представим, что в эту субботу, несмотря на своё желание, я не могу угодить обоим своим детям, потому что у них разные потребности и интересы. Я могу кинуть жребий и пообещать проигравшему ребенку, что схожу с ним куда-нибудь на следующей неделе. Но, прибегая к жребию для разрешения конфликта между двумя несовместимыми обязательствами, я, тем самым, обращаюсь к первичному принципу справедливости и требованиям равенства. Конфликт между двумя первичными обязательствами по отношению к детям, где каждый ребенок рассматривается в качестве цели, обнаруживается как с помощью схемы обязательств Расса, так и на фоне Кантовского императива. Может показаться, что конфликта обязательств можно избежать, если мы применим принцип утилитаризма. Но ведь вполне может оказаться, что обе возможные альтернативы имеют равноценные последствия, даже если мы примем во внимание все соответствующие вероятности. И в таком случае нам снова ничего не останется как подбросить монетку и решить дело жребием.

Проблема конфликта между взаимоисключающими моральными обязательствами одна из основных проблем практического мышления. Кроме того, соображения морали могут вступать в противоречие с эгоистическими мотивами. Одна из важных целей этики это разработка теории, которая позволит практическому мышлению решать конфликты между несовместимыми моральными обязательствами, или конфликты между моральными и неморальными интересами. Теории базовых принципов пытаются разрешить такие конфликты обращаясь, к примеру, к категорическому императиву, стараясь вывести из него рациональное решение, способное стать всеобщим законом. На мой взгляд, оптимальный подход должен совмещать категорический императив Канта с принципами, изложенными выше. Оценить альтернативные решения конфликта между первичными обязательствами можно только с помощью практической мудрости, принимая во внимание различия между достигнутыми в результате принятого решения ценностями. Только тогда мы сможем сформулировать посылку нашего практического аргумента, содержащую указание на преимущественное обязательство (overall obligation).

Но далеко не всегда практическое рассуждение начинается с посылки, сформулированной в результате благополучного разрешения конфликта обязательств. Иногда мы прибегаем к практическому суждению именно для того, чтобы найти решение этого конфликта. В

одном случае, установив, с помощью практического аргумента, преимущественное обязательство, мы продолжаем рассуждение о лучшем способе исполнения своего долга. Но в других случаях, практическое рассуждение может иметь гипотетический характер. Я могу предположить в качестве своей цели состояние G , для чего требуется некое действие A , и вследствие этого я должен совершить действие A . Но я также могу себе представить все неприятные последствия этого действия, что может привести меня к изменению конечной цели. Моя новая цель теперь требует совершения действия B , а не A . И этот процесс можно повторять до бесконечности. Более того, в том, что человек зачастую размышляет не только над тем, *стоит ли* совершить данный поступок, но и над тем *как* его совершить, и проявляется его моральная зрелость.

Допустим, что рассмотрев все возможные способы совершения действия A , я нахожу их трудноосуществимыми из-за неблагоприятных внешних условий. В таком случае, дальнейшее гипотетическое рассуждение будет направлено на выявление оптимального способа совершения задуманного, а не на установление необходимости самого действия. Здесь мы все ещё имеем дело с практически-ориентированным мышлением, ведь его вывод не отрицает необходимости поступка. Но заключая в пользу конкретного действия, наш аргумент также устанавливает и предпочтительный способ его совершения. Вопросы *что делать* и *как делать* одинаково важны для морального субъекта. В определенном смысле, способ совершения действия вторичен по отношению к содержанию самого поступка. Но с моральной точки зрения, способ действия не менее важен, чем само действие.

4. Нормативные иерархии

Приложение теории практического мышления к моральному суждению значительно бы упростилось, если бы мы могли составить иерархии различных оснований для действия. Возьмем, к примеру, моральные обязательства из списка Росса. Возможно ли организовать их последовательный ряд, начиная от обладающих высшим приоритетом, до менее приоритетных обязательств? Здесь необходимо одно разъяснение. В идеале, все существующие обязательства можно было бы разместить на одной шкале, в зависимости от их силы и значимости. Если же это невозможно, мы можем попробовать распределить обязательства попарно, устанавливая их приоритет относительно друг друга. Но начать

необходимо с вопроса, существует ли парная иерархия обязательств, не допускающая никаких исключений.

Рассмотрим возможную теорию *инвариантного приоритета*. Согласно этому взгляду, относительное преимущество силы одного обязательства перед другим (например, обязательства не убивать или не нарушать обещание перед обязательством благотворительности или самосовершенствования) состоит в том, что первое *всегда* имеет приоритет (priority) перед вторым. Таким образом (по этой теории), вне зависимости от обстоятельств, человек *всегда* должен отдавать предпочтение исполнению обещанного, даже если ради этого придется отказаться от действий, направленных на самосовершенствование. Другой подход – теория *вариантного приоритета*, где категоричное «всегда» заменяется словом «как правило» (typically). Ещё более усложненный вариант – *теория контекстуального приоритета*, где различаются различные типы ситуаций, ведущих к конфликту обязательств, и устанавливается приоритет того или иного обязательства для конкретного типа.

Размышления о сложности моральной жизни наводят на мысль, что мы вряд ли обнаружим устойчивые пары обязательств, удовлетворяющие требованиям инвариантного приоритета. Но, тем не менее, некоторые ограниченные обобщения могут помочь практическому разуму в случае конфликта обязательств. Одно из самых общих правил такого рода состоит в том, что обязательство непричинения вреда (non-injury) имеет приоритет над обязательством благотворительности (beneficence). К примеру, в медицинской практике умерщвление смертельно больного пациента с помощью летальной инъекции считается худшим проступком (худшим, с точки зрения первичной (prima facie) оценки), чем неокказание тому же пациенту помощи при сердечном приступе, приведшему, в конечном итоге, к его смерти. Такая оценка согласуется с обязательством не причинять вред другому человеку, которое зачастую воспринимается как наше важнейшее моральное обязательство.

Можно обоснованно утверждать, что в паре обязательств *не убивать* и *спасать от смерти*, первое имеет инвариантное преимущество перед вторым. С ещё большей вероятностью можно определить преимущество обязательства непричинения вреда или обязательства справедливости перед обязательством благодарности. И, всё же, готовы ли мы признать (как того требует теория инвариантного приоритета), что не может возникнуть ситуации, в которой обязательство

благодарности возьмет верх над обязательством непричинения незначительного вреда или даже над обязательством недопущения небольшой несправедливости? Представим, что у меня есть друг, умирающий от неизлечимой болезни. Однажды, этот человек с риском для себя спас мою жизнь, и теперь я могу вернуть ему долг благодарности, пожертвовав определенную сумму в фонд его памяти. Но я смогу сделать такое пожертвование только совершив несправедливость – лишив своих работников заслуженной премии (скажем, по \$500 каждому работнику). Однако, если совершенная несправедливость может быть исправлена в будущем (выплатой ещё большей премии), а долг благодарности не терпит отлагательств, вполне вероятно, что моей моральной обязанностью в данном случае является пожертвование денег другу, а не выплата заслуженных премий. Более того, я буду достоин порицания, если не смогу разглядеть этого – порицания, выходящего по своим причинам за рамки требований простого этикета.

Картина несколько меняется, если конфликт возникает между двумя и более обязательствами с одной стороны и каким-то одним обязательством с другой. Предположим, что обязательства сдержат обещание и воздать благодарностью за услугу старому другу оказываются несовместимыми с долгом справедливости. Если мы согласимся, что любое первичное обязательство обладает некоторым весом, то у нас будет больше оснований предпочесть теорию инвариантного приоритета в данном случае, чем в случае парного конфликта.⁵ Однако далеко не очевидно, что мы сможем с точностью определить те тройки обязательств, где в *любых* конфликтных ситуациях первые две будут иметь преимущество перед третьим. Здесь невозможно во всех деталях проследить все варианты возможных ситуаций. Но главный вывод в том, что, даже опираясь на лучшие теории, в случае конфликта обязательств мы зачастую должны будем призвать на помощь практическую мудрость. А практическая мудрость противится любой инвариантной иерархии моральных принципов. Даже если мы сможем из рассмотренного выше списка выделить пары обязательств, где приоритет одного над другим кажется очевидным, то всё же этот алгоритм в лучшем случае подойдет к ограниченному количеству ситуаций. Ситуация принципиально не меняется, если конфликт возникает между несколькими моральными обязательствами сразу, хотя, несомненно, что на практике она становится гораздо более сложной.

5 Т. к. суммарный вес первых двух обязательств «перевесит» значимость последнего. – Прим. пер.

Выше мы рассматривали относительный вес обязательств (а также относительную силу оснований для действия) *внутри* моральной сферы. Но любая теория практического мышления должна также принять во внимание конфликты между моральными и неморальными основаниями. Некоторые философы, в частности, последователи Канта, утверждают, что моральные основания для действия имеют абсолютный приоритет над всеми другими основаниями. Но так ли это на самом деле?

Зачастую в подобных дискуссиях забывают четко разделить две различные возможные интерпретации. Согласно первой интерпретации, в любой ситуации требования морали представляют собой более весомое основание для действия, чем любые другие несовместимые требования. Обозначим этот подход как *тезис о верховенстве морали* (*thesis of moral supremacy*). При таком взгляде, моральные обязательства обладают высшей властью и нормативным приоритетом над любыми другими обязательствами. Согласно другой интерпретации, конкретное моральное обязательство, в случае конфликта, обладает приоритетом над любым отдельно взятым неморальным основанием для действия – *тезис морального приоритета* (*the moral priority thesis*). Важно отметить, что истинность последнего тезиса не зависит напрямую от истинности или ложности тезиса о верховенстве морали. Ведь некое моральное основание для поступка может возобладать над отдельно взятым неморальным основанием, но, тем не менее, уступить, если ему противостоит целый список неморальных причин.

Помимо двух упомянутых подходов, есть ещё один важный, но редко упоминающийся, вариант, который вполне можно привлечь для поддержки тезиса морального приоритета. Я имею в виду теорию *доминирования* (*paramountcy*) моральных причин, согласно которой, приоритет отдается моральным основаниям для действия, даже если то же самое действие вытекает из иных, неморальных посылок. Представим себе, что один и тот же поступок может быть мотивирован как требованиями любви, так и требованиями обязательства исполнить обещанное. В такой ситуации, теория морального доминирования предполагает, что мотив исполнения обещанного, то есть, мотив исполнения морального обязательства, является предпочтительным основанием для действия. Таким образом, даже если в отдельных случаях неморальные основания и могут возобладать над моральными, всё же, когда любовь и долг поддерживают одно и то же практическое решение, нам следует больше поощрять моральные мотивы. Впрочем,

практичность этой рекомендации зависит от того, насколько сила внутренней мотивации зависит от наших усилий.

Нужно заметить, что ни одна приемлемая теория практической рациональности сама по себе не подразумевает истинности теории доминирования моральных оснований или любой другой похожей иерархической классификации. Согласно моему пониманию рациональности, каждый вид моральных оснований для действия должен оцениваться по своим собственным характеристикам. Тезис о верховенстве морали может быть подкреплён вполне правдоподобной теорией, что основная «функция» морали состоит в том, чтобы регулировать поведение людей, несмотря на наличие противоположных склонностей. Но даже если мы примем эту теорию за истину, мы не сможем логически вывести из неё тезис о верховенстве морали, если не установим прежде, что в списке практических оснований для действия, безусловный приоритет имеют те, которые служат исполнению этой функции. Но последнее утверждение далеко не очевидно, даже если оно и представляется таковым тем людям, которые избрали для себя моральный образ жизни в качестве главной цели.

Но существует один весомый аргумент в пользу тезиса морального приоритета, который имеет отношение к моему пониманию оснований для действия. Рассмотрим типичный случай конфликта оснований, когда с одной стороны имеется весьма обременительное моральное обязательство исполнить обещанное, а с другой, желание провести время с пользой для себя, например, отправиться кататься на лыжах с друзьями. В обычной ситуации рациональный человек изберёт исполнение морального долга, ведь, пожалуй, ни одна приемлимая (sound) теория практической рациональности не может оправдать исключительное предпочтение своих интересов интересам других людей. Если, с точки зрения рациональности, я не желал бы, чтобы кто-то нарушил данное мне слово по упомянутым выше причинам, то и моё желание нарушить обещание, каким бы рациональными доводами оно не было подкреплено, не может в данном случае взять верх (override) над моральным обязательством. В любом случае, вполне вероятно, что существуют и объективные (impersonal) основания для того, чтобы все-таки сдержать слово, то есть, основания отсылающие к межличностным (interpersonal) отношениям.

Данный аргумент не лишен силы, но всё же его обоснованность далеко не очевидна. Можно отметить два затруднения. Предположим, что на тех или иных основаниях я приобрел убеждение, что собственные

интересы имеют нормативное преимущество перед обязательствами морали. Кроме того, предположим, что исполнение некоего моего рационально-обоснованного желания несовместимо с исполнением обещания, данного другому, и что сила моего желания намного превышает силу моральной и альтруистической мотивации. Рассмотрим каждое из этих затруднений отдельно.

Во-первых, то, что мы думаем об иерархическом статусе основания для действия далеко не всегда оказывает влияние на сам статус. В некоторых случаях, наши убеждения могут придать им дополнительную силу, но чаще всего они не оказывают существенного влияния. Студент, поспешно заключивший после первой же лекции, что скептицизм неопровержим, и что нет достаточных оснований, чтобы верить в существование внешних предметов, всё же, на мой взгляд, не сводит тем самым на нет обоснованность его прежнего убеждения в реальном существовании профессора, читавшего курс. Главный вопрос здесь в том, насколько обоснованным оказывается убеждение второго порядка (second-order belief) по сравнению с обоснованностью моральных мотивов. Кроме того, остается вопрос о приложимости убеждения второго порядка к конкретному случаю. Иногда, наши сомнения второго порядка о статусе моральных мотивов по сравнению с иными, неморальными основаниями, не изменяют реальный статус моральных оснований. Однако определить в каких ситуациях наши сомнения влияют на их статус, а в каких нет, можно только с помощью практической мудрости.

Рассмотрим теперь вторую упомянутую выше ситуацию, где сильное и рационально-обоснованное желание вступает в конфликт с моральным обязательством. В данном случае, соображения морали оставляют нам достаточное пространство для маневра. Если исполнение обещанного повлечет за собой серьезные изменения в моей жизни, а другая сторона при этом испытает лишь незначительные неудобства, если я не сдержу своё слово, то нарушение обещания будет вполне извинительным с моей стороны, даже если этот поступок и сохраняет свою первичную неблагоприятность. Можно сказать, что и другая сторона, посмотрев на ситуацию с точки зрения рациональности и отложив чисто эгоистические мотивы, возможно не захочет, чтобы я исполнял своё обещание. Система моральных обязательств как бы боится себя от обвинений в иррациональности, и потому извиняет рационально-обоснованные отклонения от своих требований. (Впрочем, этого и

следовало ожидать, если стандарты морали, как утверждают многие философы, укоренены в стандартах рационального поведения).

Итак, далеко не очевидно, что моральные основания должны иметь безусловный приоритет над любыми другими практическими основаниями. На мой взгляд, несмотря на определенное правдоподобие такого подхода, тезис морального приоритета не может логически вытекать ни из одной состоятельной теории рациональности или морали. Но даже если моральные основания и имеют приоритет над иными основаниями для действия, они все же не могут во всех случаях обладать абсолютным верховенством (*supremacy*), а значит мы можем по крайней мере заключить о ложности тезиса о верховенстве морали. И все же, как минимум, приемлимая теория практического мышления должна позволить остаться при обоснованном убеждении, что нам стоит придерживаться моральных принципов и поступать в соответствии с ними, даже если она будет не в состоянии доказать это положение. Более того, такая теория должна быть способной объяснить рациональность собственно моральных желаний, в противовес рациональности инструментальных желаний, где моральный поступок оказывается лишь средством для достижения неморальных результатов, к примеру, для достижения счастья.

На данном этапе, мы можем подвести предварительные итоги, касающиеся отношения между разумным (рациональным) и моральным поведением. Можно сказать, что разумный человек, обладающий достаточным опытом и всей необходимой информацией, *в большинстве случаев* будет соотносить своё поведение с требованиями морали. Но из этого не следует, что рациональность предполагает безусловное и абсолютное следование моральным требованиям. Иногда человек нарушает нормы морали из-за забывчивости или ошибок в расчетах, но это ещё не свидетельствует о его рациональной ущербности. Можно было бы предположить, что *совершенно* рациональный человек всегда будет поступать в соответствии с требованиями морали. Но и это не представляется очевидным, даже если мы отложим в сторону вопрос о том, в чём именно состоит совершенная рациональность. Возможно и в самом деле требования морали никогда не противоречат требованиям разума, но это уже другое, более слабое, утверждение.

<...>

Мы видели, что практическое рассуждение является неотъемлемой частью процессов морального суждения, морального решения и морального действия. Понятно, что далеко не всегда человек сознательно формулирует практический аргумент, даже если его поступок и может считаться обоснованным. Однако, конфликт моральных обязательств зачастую требует четкого представления о всех посылках этого аргумента. Сознательное размышление над ситуацией увеличивает шансы, что при принятии решения, мы примем во внимания все существенные детали. Мы также обратили внимание на трудности связанные с разрешением конфликта обязательств. Одна из проблем в том, что мы не можем установить априорную иерархию всех обязательств, которая бы автоматически указывала на приоритетное обязательство в случае конфликта. Но если мы не можем обнаружить формулу, позволившую бы нам распределить все обязательства на одной шкале в зависимости от их значимости, и если, как я считаю, нам не могут помочь в данном случае внешне объективные и универсальные процедуры подсчета, предлагаемые утилитаризмом или иной теорией, то где та модель, которая, по крайней мере, будет способствовать принятию решения в трудных ситуациях с помощью практического мышления? Это главный вопрос, который будет рассмотрен в следующей главе⁶.

---

6 В главе 10. – *Прим. пер.*